

А. ВОЛОХОНСКИЙ

Набоков и миф личности^{*}

Того не принято в нашем братстве, чтобы прикасаться к инструментам в пустой мастерской, когда хозяин отсутствует. Поэтому я не намерен описывать его мастерские приемы и вообще разбираться в его блистательном мастерстве. Я не буду выставлять из рам зеркала в опустелом доме отца «Лолиты», не стану выметать из углов мелкий маргарит марфинькиных садов, звенеть инкрустированными ножнами от фамилии Тальбот в знаменитой поэме:

«Список учеников ее класса»¹.

Как можно чужими словами говорить, например, об отдувающемся откровении «утерпруф» на берегу дна ланселотова озера — могилы и колыбели, где лежит, покачиваясь, та — бронзовая седая красотуля, которую задавил почтовый вертолет. И осталось от ее любовного отчаянного движенья одно лишь средство или механизм для полета любви на крылатых колесах по глянцевой карте преисподних штатов и по их примечательным местам.

Разве намекнуть, что бесформенный Лужин ушел в квадрат? — И не много и предерзко. Ведь квадратные окна — это всего лишь избитые клавиши клавесина нынешней нашей серочувствительной лирики с ее обидой на жизнь и безвкусными опасениями. И я боюсь обмануть зрителя аналогиями слишком очевидными, чтобы быть подлинными, — как иные говорят о сходстве стиля с Буниным или с Белым.

В самом деле — кто из них позволил бы веселенькой старой Гейз так прозрачно сыграть в ящик для писем?

Проще называть вещи, чем пытаться объяснить необъяснимое.

* Впервые: Эхо. Париж, 1978. № 1. С. 112—115.

¹ Набоков В. Лолита // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 67—68.

Вот — нагоняющий сон, самоё сонную болезнь, убийственную нагану, брат прославленной мухи це-це, ползущий по цветным стеклам на тонких ножках летучий живой изумруд Цинциннат Ц. Смертный сон под красным цилиндром. В нашей коллекции оружия все равно нет барабана, который мог бы его разбудить. Так не лучше ли и нам с тобою, читатель, тоже уснуть и общим храпом изобличить гносеологическую гнусность критической дозы право-левого литературного сноторвного? Вряд ли ты серьезно надеешься найти здесь малый трактат «Химия яхонтов». Есть какая-то злорадная низость в подобных объяснительных записках.

Набоков потому так весело смеется над Фрейдом, что ему знакома истинная высокая тайна человеческого лица. Раз так — что ему ползучие грезы души или плоского извилистого тела.

...Пусть осторожный задумчивый мальчик, недовоплощенный Зигфрид, победитель чудовищ и друг королей, валетов и дам, Сигизмунд девяток и пешек, в лучшем тесноватом квартале самой блестящей из всех балканских столиц действительно подвергал себя сонной мечте, наблюдая папашино самолюбование толстым Сфинксом на окраине стриженого Бельведера. Это — его собственность, это его частное дело. Набоков справедлив, когда говорит, что мы не обязаны грезить так уж совсем по-фивански. Беотия всегда была славна грубыми нравами, прочными стенами и простоватым бытом мысли. Мальчугану, ставшему профессионалом, нетрудно было заставить тамошнее развесившее уши население легко забыть конец эдиповой драмы — самоослепление отгадчика.

— Вон идет сновидец...

Что же нам шевелить пальцами в золоченом мозгу свободного человека? Зачем искать в сундуке с драгоценностями ответа на Панургово вопрошание? Ныне в мире стеклянных стен — кто способен еще принять полноватую мамочку за худенькую новобрачную?

— Тринк! — Это сказала Бутылка, а не холодный белый дядя.

Пусть, однако, привередливость не отвлекает нас от сновидений значительно более пышного невольничьего рынка. Если мы захотим найти тайное прибежище в нашем тонкостенном мире, построенном или сотворенном по образу раннегуманистической пифии Бакбук, нас могут позвать нырнуть туда, где — все помнят — гнуснейший Гумберт Гумберт вожделел осаждать виноград ее легких. Расположиться за решеткой собственных ребер. Пусть это легкое заключение неловко называется предварительным — предваряющим казнь. Здесь мы сразу же встретим все того же тонконогого Ц. Ц., к которому

входящая навестить родня приносит заодно с собою и мебель. Попробуем поразвлечься — сплясать венский вальс с надзирающим рассудком, станем лобызаться с ведущим подкоп палачом — совестью. — Но мне сразу же становится неловко. Набоков угадал: мы пришли к нему с собственной мебелью.

Стало быть, наше мнимое, как философ на троне, уединение с самим собою может натурализоваться лишь, если водрузить на верх тела упомянутый головной убор — красный цилиндр. Только оттуда — с этой кафедры — мы будем способны издавать голоса «похожих на нас людей» или хотя бы их различать. Так мы оказались в обществе частичного самоубийцы — анаграмматического Клэра Квинсли, долго неумирающего от пулю борца Г. Г. за свободу личной жизни стихии Ку-Ку. Здесь стоит, право, предупредить созерцателя, что грязномыслie о Скорбящей Лолите помещает себя в раствор черной лжи. А кроме того — оно ничего не поймет в лучшем романе Набокова.

Сам Набоков упоминает в своей книге Лилит — первую любовь человека. Я отважусь напомнить древнюю легенду чуть подробнее.

Первой любовью Адама была будто бы не Ева, а сотканная из света Лилит. Ее золотые волосы обладали волшебной силой, кто касался их — не мог потом забыть. Собственно, это были лучи, обекавшие тело стихийного духа — олицетворения первой из стихий. Любовь к свету в человеческом детстве была древнее любви к человеку. После изгнания из Рая Адам еще помнил Лилит, но она стала демоном бесплотной страсти, злым духом, искушавшим любить не «ребро», не «жену», не «мать всех живущих», но — самой стихии любви. Это ночной демон, покушающийся на души детей. В Вавилоне ее называли соперницей Иштар — Аstartы, богини плодородия и планеты Венеры.

Этот миф о происхождении любви и страстей лежит в основании удивительного романа о Скорбной Гейз, о Радостной Долорес, о Лолите-Лилит — о превращении испорченной девочки в беременное человеческое существо, просиявшее денег на переход, о преображении осуществимых чувствований в невозможную любовь у последних границ, где еще можно различить собственное лицо и где самосожигается феникс-похоть. Подивимся же дикой теодицеи, которая явила нам в жанровом наряде многократно краденой виновницы испепеления загородных вилл с их населением и замысловатыми нравами.

Вспомни, о зритель, еще раз-другой все три короба замечательных подарков, что сулил зеркальный К. К. своему двойнику Г. Г. в обмен на отмену застрявшей в ковре его памяти очереди из пистолета с надеждами, что пуля еще вылетит из

него назад — тебе прямо в руки. Есть прямой риск, что мы получим всю эту пузырящуюся череду, когда не станем сами себе честным свинцовым зеркалом.

* * *

Взор Набокова прям, и мир с ним прекрасен. Его книги возвращают достоинство слову. Они свидетельствуют о нашей внутренней свободе, о том, что личность — это ее слово.

Его люди не стремятся взлететь на мыльных шарах чегото-большегочемонисами.

Не являются как прообразы автора на пробковых ходулях.

Не выпячивают вверх узкую грудь на фотографических автопортретах в профиль.

Не подносят нам слизней в героическом салате.

Не работают рупорами липких слоев и жидких сословий.

Не выражают идей, пресмыкаясь под разноцветными флагами.

Не изображают прописанных противными буквами лозунгов.

Не произносят ни квадратных слов, ни треугольных трюизмов.

В его книгах нет ничего, что превращает человеческую речь в трухлявое душевное месиво. Ибо Набоков один из немногих понимал, что пошлость укореняется прежде всего в испорченном слове. Цитирую из его книги «Дар» некоторые «перлы дельной мысли»:

Белинский: «В природе все прекрасно, исключая только те уродливые явления, которые сама природа оставила незаконченными и спрятала во мраке земли и воды»².

Михайловский о Достоевском: «...бился как рыба об лед, попадая временами в унизительнейшие положения»³.

Стеклов: «...разночинец, ютившийся в порах русской жизни, тараном своей мысли клеймил рутинные взгляды»⁴.

Ленин: «...здесь нет фигового листочка... и идеалист прямо протягивает руку агностику»⁵.

Эта протянутая рука — не менее выдающийся автограф эпохи, чем правдивейший отчет о любой баталии. Если взять в соображение теоретические взгляды сторон на природу ощу-

² Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 181.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

щений и восприятий, эффект получается гомерический — как на олимпийском философском пиру, когда пара подсущенных ганимедов заиграется в жмурки.

Так чувствует историю Владимир Набоков. Он не пойдет заседать с Клио в Генштаб, но постарается услышать ее приватное перешептывание. Мне кажется, что это довольно надежно, ибо прошлое не замирает в переплете, как в жестком мундире, но вечно пляшет в живых словах, в звуках памяти.

